

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск—Гёттинген)

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДМ. *śuan* ~ МАР. *śijan* 'СВАДЬБА'
(ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ЭТИМОЛОГИИ)***

В современном удмуртском литературном языке понятие 'свадьба' обозначается словом *śuan* (диал. закам. *śuцan*). Именно так (нем. *Hochzeit*) удм. *śuan* переводится и в большинстве словарей (Wichmann 1987 : 238; УРСл. 52). Такое значение данного удмуртского слова без сомнения является результатом модернизации, установления более или менее однозначного соответствия русскому понятию 'свадьба' в удмуртском языке. На самом деле в удмуртской народной культуре *śuan* обозначает (и по сей день) ч а с т ь свадебного обряда: празднество в доме невесты, после которого она переезжает в дом жениха; приезжающие на это празднество родственники жениха, которые позже увозят невесту, называются *śuanći*. Такое значение удм. *śuan*, *śuanći* отражено в словарях Б. Мункачи и Ю. Вихманна (Munkácsi 1896 : 468; Wichmann 1987 : 238). Вторая часть свадебного обряда — празднество в доме жениха после переезда туда невесты — называется *berjś* (видимо, от удм. *ber* '(время) после, (место) позади, за'), соответственно родственники невесты именуются *berjśjos*, *berjś vetlišjos*. Уточнить значение *śuan* позволяет, в частности, следующий пример: *śuan lĭkto tros icimeñ nuññ?* 'суюном / с суюном приезжает много (народу) невесту увозить' (Wichmann 1987 : 238), — в данном случае, судя по употреблению совместно-творительного падежа, *śuan* уже не 'празднество в доме невесты' (в таком случае следовало бы ожидать иллатива или датива), но нечто, с чем или с помощью чего, на чем приезжают родственники жениха.

Значение удм. *śuan*, однако, не ограничивается рамками свадебного обряда. Этим словом называются и еще некоторые важные обряды, при этом в отличие от описанной части свадебного обряда (просто *śuan*) всякий раз — с соответствующим определением:

tuñj śuan букв. (в современном «словарном» значении) 'свадьба младенца': праздник по случаю рождения ребенка, отмечаемый через несколько дней после родов (рус. *бабьи каши*);

korĭka śuan букв. 'свадьба избы': новоселье;

žazeg śuan букв. 'свадьба гуся': у удмуртов Башкирии жертвоприношение и моление, совершаемое во время и по случаю осеннего забоя гусей;

* Статья написана на кафедре финно-угроведения Гёттингенского университета в рамках работ по гранту, предоставленному фондом им. Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

kulem murt suan букв. 'свадьба умершего человека': осенние и весенние поминки; в связи с тем, что на этих поминках в жертву предкам обычно приносилась лошадь, употреблялось и название *val suan* букв. 'свадьба лошади'.

Естественно, переводить *suан* как 'свадьба' во всех этих случаях едва ли возможно: указанные обряды не содержали никаких свадебных реминисценций (кроме поминок, об этом ниже). Важно, что данные названия, по видимому, довольно старые, отражают «вчерашний день» традиционной культуры, так как в современной традиции, когда *suан* приобрело значение 'свадьба', они в силу кажущейся их дву- или бессмысленности вытесняются другими.

Для всех названных обрядов (включая свадьбу) характерны общие черты: моления благодарственного и благопожелательного характера (кроме свадьбы), участие значительного количества родственников и соседей, обильное угощение и возлияния, радостное, приподнятое настроение собравшихся — что интересно, в том числе и во время поминок, это обращало на себя внимание исследователей, например, У. Хольмберг о *kulem murt suан*: «на этом празднике в отличие от других поминальных дней царит радостное настроение, поются свадебные мелодии» (разрядка моя — В. Н.) (Holmberg 1914 : 37). Именно последняя особенность выделяет указанные обряды среди множества других: характерно, например, что ни один календарный праздник, где присутствуют и моление, и угощение, и большое число собравшихся, но господствует, как правило, серьезный настрой, не называется *suан*.

Рассматриваемое слово имеется и в марийском языке: марГ, марЛ *suan*, марВ *sijän* 'свадьба' (приводимые в различных словарях формы с *ś*-иррелевантны, так как противопоставление *s* ~ *ś* в марийском языке не имеет фонематического значения). Помимо значения 'свадьба', мар. *sijän* используется в композите марВ *kuyo sijän* букв. 'большая свадьба' — для обозначения поминок на сороковой день после смерти, когда совершались окончательные проводы души умершего в иной мир, и когда считалось, что ангел смерти *ki-jamat-tora* прилетает к праздничному столу, чтобы женить умершего, если он умер холостым (Paasonen 1948 : 114—115).

Мар. *sijän*, *suan* рассматривается некоторыми авторами как удмуртское заимствование. Основанием для этого служит предположение о собственно удмуртской этимологии для *suан*: праперм. **so(j)-* 'есть, кушать' (удм. *śi-*) + **-an* — суффикс отглагольных существительных (удм. *-on*). Праперм. **sojan* 'еда', собственно говоря, нормально отражено в современных пермских языках: коми *sojan*, удм. *śi(j)on* 'еда'. Предполагается, что в древнеудмуртском языке праперм. **sojan* якобы приобрело значение 'свадебный пир' > 'свадьба', после чего произошло «расщепление» слова, а фонетически **sojan* могло дать в удмуртском языке *śi(j)on* (очередной случай «пермского умлаута», ср. также чередование удм. *śi-* 'есть, кушать' ~ *śud-* 'кормить') (Bereczki 1992 : 125). Г. Берецки указывает, однако, на то обстоятельство, что в марийском языке ни в одном из диалектов в данном слове не произошел нормальный переход **s* > *ś*, и объясняет это тем, что в данном случае перед нами — весьма позднее заимствование из удмуртского. Любопытно, однако, что слово *suan* является при этом общим марийским.

Предлагаемая Г. Берецки пермская этимология удм. *suан* почерпнута им, вероятно, из уральского этимологического словаря К. Редеев, где удм. *suат* (sic! — видимо, опечатка, так как формы на *-m*, кажется, не существует) 'свадьба' помещено в словарном гнезде праф.-у. **sewe-/*seye-* 'есть, кушать' (UEW 440). Мне не удалось выяснить, принадлежит ли этимология самому

К. Редей или заимствована им у других авторов, но складывается впечатление, что она представляется названным исследователям достаточно бесспорной и не нуждающейся в комментариях.

Между тем, есть все основания усомниться в правоте К. Редей и Г. Берещки. Фонетически удм. *śuan* действительно можно было бы возвести к праперм. *śojan, если бы не странное «сохранение» *a* во втором слоге: пермский суффикс отглагольных существительных *-*an* дает в удмуртском только -*on* (разумеется, исключая глаголы на -*anj*, которые в данном случае не при чем).

Гораздо больше непонятного в семантике. Удм. *śion*, восходящее к праперм. *śojan, не имеет и едва ли когда-либо имело значение 'свадебный пир', так как означает 'еда — то, что едят (нем. die Speise, das Essen)' или 'еда — процесс поедания чего-либо (нем. das Essen)¹ — в последнем случае с обязательным определением (указанием поедаемого объекта); так, *tabań śion* 'поедание лепешек' или 'еда, состоящая из лепешек', *parś sil' śion* 'поедание свинины' или 'еда из свинины' и т.д. Для обозначения же 'приема пищи (нем. das Mahl)' употребляется *śiskon*, образованное с помощью того же суффикса -*on* от возвратно-дуративного глагола *śiskinj* 'питаться, находиться в состоянии еды'. Если вернуться к упомянутым названиям удмуртских обрядов и заменить в них *śuan* на «этимологически правильное» *śion*, то большинство из них приобретут абсолютно абсурдное значение: **nunj' śion*, например, придется переводить либо как 'еда младенца (которую ест младенец)', либо как 'поедание младенца (его едят)', причем последнее будет неизбежно приходиться в голову носителю языка; выражение *śuanen l'kto* 'с сюзаном приезжают (за невестой)' придется переводить как *śionen l'kto* 'с едой приезжают', что звучит странно, так как родственники жениха отнюдь не везут с собой еду — она ожидает их в доме родителей невесты.

Естественно, возражения такого рода выглядят на первый взгляд не совсем корректно: значение совр. удм. *śion* не обязательно должно совпадать со значением праперм. *śojan. Однако и данные коми языка не позволяют предполагать для праперм. *śojan значение 'пир, прием пищи (нем. das Mahl)': коми *śojan* означает то же, что и удм. *śion* — 'еда (пища, корм)' (ср. немецкий перевод коми слова у Д. Фокош-Фукса: 'Speise, Futter, Kost, Lebensmittel' (Fokos-Fuchs 1959 : 966)). Отглагольные существительные на -*an* в коми языке «ни в малой мере не отмечают развития действия или действительной ситуации, а отмечают только их содержание» (Бубрих 1949 : 126). Еще меньше оснований предполагать значение 'пир' для праперм. *śojan, если принять во внимание, что суффикс *-*an* первоначально должен был служить для образования п р и ч а с т и й (Beke 1954 : 101). Таким образом, эволюция семантики праперм. *śojan может быть представлена следующим образом: 'относящийся к процессу еды' > 1) 'съедобный, подлежащий поеданию'; 2) 'еда (nomen abstractum), пища'. Возможность появления в какое-то время значения 'прием пищи' > 'угощение, пир' нельзя, наверное, исключить совершенно, но всерьез воспринимать ее без дополнительных доказательств не приходится.

Дополнительным аргументом против реконструкции праперм. *śojan 'угощение, пир' > 'свадьба' служит полное отсутствие каких-либо следов таких значений у коми *śojan* — в то время как предполагаемый «умлаут» в древнеудмуртском и общемарийское распространение этого, якобы пермского, сло-

¹ Возможно, допущение значения 'пир' для праперм. *śojan связано с тем, что наиболее адекватное немецкое соответствие удм. *śion*, коми *sojan* — *Essen* — может иметь (с неопределенным артиклем, *ein Essen*) и значение 'торжественный — в ресторане, для официальных лиц и т.п.) завтрак, обед, ужин'.

ва (если принять этимологию К. Редери и Г. Березки) однозначно должны были бы указывать на его древнее, прапермское происхождение.

Когда речь идет о культурном термине, общем для удмуртского и марийского языков, тем более — обозначающем такое легко эволюционирующее и подвергающееся всякого рода модификациям явление как свадьба, прежде всего необходимо — исходя из историко-культурных и географических соображений — рассмотреть возможность его тюркского происхождения. Тюркская этимология предложена для удм. *śuan* ~ мар. *śuan* еще в начале нашего столетия Х. Паасоненом и незаслуженно забыта сегодня. Он сопоставил удм. *śuan* ~ мар. *śuan* с эрз. *suvońcej* ~ *suvońzej*, мокш. *śatǎńcǎ* ~ *śufǎńcǎ* 'радостная весть (по поводу свадьбы, рождения ребенка и т.д.)' и возвел эти слова к тюркскому корню *śijün 'радоваться', откуда тюрк. *śijünčǎ ~ *śijüneč 'радость, радостная весть; вестник, принесший радостную весть' > тат. *śöjǎni* 'радоваться', *śöjǎnce* 'радостная весть', *śöjǎneč* 'радость'; казах. *śijün* 'радоваться'; чагат. *śijünž* 'радостное известие'; алт. *śüginčǎ* 'радость' (Paasonen 1902 : 267). Тюркские слова в конечном счете восходят к тюрк. **śij-* 'любить' (Радлов 1911 : 796, 803).

Приведенные модовские слова по семантике настолько хорошо согласуются с удм. *śuan* во всем комплексе его значений, что имеет смысл привести здесь этнографический комментарий Х. Паасонена (Paasonen 1996 : 2075—2076):

«мокш. *śufǎńcǎ* (ср. удм. *śuanci*): старший дружка и крестный отец жениха идут после венчания в церкви вдвоем в дом родителей жениха, чтобы сообщить его отцу и матери *радостную весть* (*śufǎńcǎn azma*), в то время как все другие участники свадьбы ждут на улице; они говорят: «Мы издалека пришедшие гости, не пустите ли вы нас в дом?» «Добро пожаловать», — отвечают им и угощают; они возвращаются к остальным участникам свадьбы и свадебный поезд движется далее; эрз. *suvońzej*: «мужчина в одежде умершего верхом на коне бывает посылаем, чтобы созвать родственников на поминки на сороковой день»; эрз. *suvońcej*, *suvońcej*, мокш. *śatǎńcǎ*: название подарков по случаю рождения. Так называются подарки, которые роженица посылает женщинам всего рода и рода мужа после рождения первого ребенка. В качестве иллюстрации использования данного слова для обозначения «вестника / вести к богам или от богов» (функция жертвенных животных в удмуртских обрядах) ... эрз. *od-kovuška matuška, niške-pazoń suvońzej* 'новая лунушка матушка, вестница Нишке-паза'.»

Итак, удм. *śuan* ~ *śuuan*, мар. *śuan* ~ *śijǎn*, эрз. *suvońcej* ~ *suvońzej*, мокш. *śatǎńcǎ* ~ *śufǎńcǎ* могут рассматриваться как заимствования из тат. *śöjǎn(če)* с исконным значением 'радость, радостная весть'. Фонетически марийское слово выводится из татарского без каких-либо проблем (таким образом, отпадает необходимость говорить о «позднем общемарийском заимствовании из древнеудмуртского»). Удмуртское слово также вполне закономерно отражает фонетический облик татарского (тат. *s* > удм. *ś* в палатальном окружении, тат. -VjV- > удм. -ø- по крайней мере в четырех случаях (Csúcs 1990 : 36, 41—42)). Важно и наличие формы *śuanci* в удмуртском, осмысляемой как *pomen agentis* с заимствованным из татарского языка суффиксом *-ci*, хотя скорее она является отдельным заимствованием из тат. *śöjǎnce* 'вестник радости; радостная весть' (*pomen agentis* с тем же суффиксом *-ce*, откуда удм. *-čǎ*). Возвращаясь к пермской этимологии для удм. *śuan*, предлагаемой К. Редери и Г. Березки, нельзя не отметить, что хотя суффикс *-čǎ* достаточно продуктивен в удмуртском языке, нет, как будто, ни одного случая, когда бы он присоединялся к отглагольному существительному на *-on*, образованному от

собственно удмуртского глагола (типа *śuan-či* < *śion-či). Из более чем двадцати слов, кончающихся на *-ńci* в удмуртском языке (Насибуллин, Дудоров 1992 : 34), лишь *aldanći* 'обманщик' и *bultńci* 'болтун, смутьян' могут рассматриваться как осложненные отглагольные образования на *-(a)n-či*, но оба эти слова образованы от глаголов, заимствованных из татарского языка (*aldanǰ* 'обманывать' (Csúcs 1990 : 101), а удм. *bultanǰ* 'перемешивать, мутить; болтать' является, очевидно, результатом контаминации тат. *bölyä-* 'перемешивать, мутить' и рус. *болтать*). Во всех остальных случаях мы имеем либо прямое заимствование из татарского, либо собственно удмуртский *poen agentis* на *-či*, но никак не от отглагольного существительного на *-an ~ -on*.

Эрз. *suvońcej* ~ *suvońzej*, мокш. *śatǰńcä* ~ *śufǰńcä* как будто не могут отражать татарский источник с *-VjV-*. Морд. *-v-* (*-m-*) может восходить к **-v-*, **-ŋ-*, **-γ-* языка-источника. Наиболее вероятно в данном случае последняя возможность (ср. у Х. Паасонена алт. *sügünči*). Е. А. Хелимский (Helimskij 1984 : 197—198), а вслед за ним и я (Напольских 1995) указывали на возможность былого существования в Среднем Поволжье *R*-тюркского (булгарского типа) языка / диалекта, в котором общетюрк. **j-* соответствовал звук типа **γ-*, и из которого в пермские языки попало несколько слов (с отражением тюрк. **j-* > **γ-* как перм. **g-*). Развитие **j-* > **g-* в словах с узкими гласными наблюдается в мишарском диалекте татарского языка (Махмутова 1978 : 85). Рассматриваемые мордовские слова, однако, едва ли могут происходить из мишарского диалекта, так как тат. *-g-/γ-* обычно передается в мордовских языках как *-g-*, за исключением, впрочем, одного случая: эрз. *ulov* 'мертвец' < ? тат. *ülek* то же (Paasonen 1897 : 12, 57). Возможно, таким образом, что эрз. *suvońcej* ~ *suvońzej*, мокш. *śatǰńcä* ~ *śufǰńcä* восходят к форме типа *süγünce, имевшейся в некогда распространенном в Среднем Поволжье тюркском (булгарского типа ?) языке / диалекте с системным переходом тюрк. **j-* > **γ-* не только в начале, но и в середине слова.

Итак,

тюрк. *sij 'любить'

тюрк. *sijün 'радоваться'

**sijün(če)* 'радость, радостная весть'

тюрк. язык X

*süγünce 'радость, радостная весть, вестник радости' → эрз. *suvońcej* ~ *suvońzej*, мокш. *śatǰńcä* ~ *śufǰńcä* 'радость, радостная весть'

тат. *şöjǰn(če)* 'радость; радостная весть, вестник радости' → мар. *süan* ~ *süjän* 'свадьба; поминки'

→ удм. *śuan* ~ *śuǰan* 'свадьба; поминки; жертвоприношение и т.д.'

Сокращения

МарГ — горное наречие марийского языка; **марЛ** — луговое наречие марийского языка; **марВ** — восточное наречие марийского языка; **закам.** — закамские говоры удмуртского языка; **чагат.** — чагатайский.

УРСл. — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- М а х м у т о в а Л. Т. 1978, Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка, Москва.
- Н а п о л ь с к и х В. В. 1995, О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке. — Финно-угроведение, Йошкар-Ола, № 3—4.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш., Д у д о р о в В. Ю. 1992, Обратный словарь удмуртского языка, Ижевск.
- Р а д л о в В. В. 1911, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, часть 1, Санкт-Петербург.
- В е к е, Ö. 1954, Neuere finnisch-ugrische morphologische Untersuchungen I. — ALHung. 4, 95—131.
- В е г е с z k i, G. 1992, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II, Szeged (Studia Uralo-Altaica 34).
- С s ú c s, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest.
- F o k o s - F u c h s, D. R. 1959, Syrjänisches Wörterbuch I—II, Budapest.
- H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch, Band IV (S—Ž). Zusammengestellt von Kaino Heikkilä unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistow und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla, Helsinki 1966 (LSFU XXIII 4) (= Paasonen 1996).
- H. Paasonens Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki (LSFU XI) (= Paasonen 1948).
- H e l i m s z k i j, E. 1984, Permi szófejtések. — NyK 86.
- H o l m b e r g, U. 1914, Permalaisten uskonto, Porvoo.
- M u n k á c s i, B. A. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- P a a s o n e n, H. 1897, Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. — JSFOu XV₂.
— 1902, Votják-török szójegyzetéseik. — NyK 32.
- Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI) (= Wichmann 1987).

V. V. NAPOLSKICH (Iževsk-Göttingen)

ÜBER DIE HERKUNFT VON UDM. сјуан
UND MAR. сјуан 'HEIRAT, EHESCHLISSUNG'
(EINE VERGESSENE ETYMOLOGIE)

Der Autor vertritt den Standpunkt, daß udmurt. *śuan* ~ *śuyan*, mar. *śuan* ~ *śüjän* und deren Entsprechungen ers. *suvońcej* ~ *suvońzej*, mokschr. *śmāńćü* ~ *śufāńćü* aus dem Tatarischen entlehnt worden sind: < *sōjōn* (*če*), dessen ursprüngliche Bedeutung 'Freude, Freudenmeldung' gewesen sein soll.